

А.А. Тухель*

A.A. Tukhel*

**Трансформация топонимики
Верхнего Притомья во второй
половине XIX – первой четверти
XX века: государственно-
идеологические воздействия**

**The Toponymical Transformation
of the Verkhnee Pritom'e in
the Latter Half of 19th Century –
the 1st Quarter of 20th Century:
State and Ideological Influences**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-7

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-7

УДК 94(57)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Тухель А.А. Трансформация топонимики Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века: государственно-идеологические воздействия // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 97–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-07.pdf>

Tukhel A.A. The Toponymical Transformation of the Verkhnee Pritom'e in the Latter Half of 19th Century – the 1st Quarter of 20th Century: State and Ideological Influences // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 97–104. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-07.pdf>]

Abstract. The article tells about the problem of ethnic and culture process, caused by the state policy, on influencing toponymical system of the Verkhnee Pritom'e. Active ethnic and culture processes in this territory increased the complexity of this toponymical system including appearance of toponymical constructs, which resulted from peaceful and high intensive interaction of different ethnic groups in the latter half of 19th century – the 1st quarter of the 20th century; it was a synthesis of their culture and linguistic traditions. Such interaction was possible due to the population growth and peasant migrations to Siberia controlled by the government during the Stolypin agrarian reforms. Infrastructure projects were also a reason. The author emphasizes the main role of the state in stimulating culture and ethnic interaction between indigenous and alien population. The majority of the alien population were Russians, and they had significant influence on the toponymical system, and its general transformation. The research proves that particular toponymical layers began to form not only as a result of interaction between the Russians and the indigenous people but also as a result of state policy. The induced changes of the toponyms by the Soviet state were a new stage for the toponymical system of the region.

Keywords: toponym; ethnocultural process; toponymy system; state ideology.

The article has been received by the editor on 15.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблеме воздействия государственной идеологии на топонимическую систему Верхнего Притомья. Активизировавшиеся во второй половине XIX – первой четверти XX в. этнокультурные процессы на территории данного региона способствовали усложнению топонимической картины, в том числе появлению топонимов-конструктов, являвшихся продуктом мирного высокоинтенсивного взаимодействия различных этнических групп, синтеза их культурных и языковых традиций. Такое взаимодействие происходило благодаря росту численности населения в процессе реализации столыпинской аграрной реформы, а также инфраструктурных проектов, улучшавших качество жизни местного населения. Государство играло определяющую роль в стимулировании этнокультурных и межэтнических взаимодействий аборигенов и переселенцев. Влияние этих процессов на топонимику территории оказалось настолько значительным, что привело

* Тухель Анатолий Андреевич, магистрант, Томский государственный университет, Россия, Томск, e-mail: anatoly.tukhel@yandex.ru

Tukhel Anatoliy Andreevich, Master, Tomsk State University, Russian Federation, Tomsk, e-mail: anatoly.tukhel@yandex.ru

к изменению не только отдельных элементов, но и трансформации всей топонимической системы в целом. Кроме того, в исследуемый период отдельные пласты топонимов начинают формироваться непосредственно под воздействием государственной политики. Практика искусственного изменения топонимов советским государством определяла начало качественно нового этапа в функционировании топонимической системы Верхнего Притомья.

Ключевые слова: топоним; этнокультурный процесс; топонимическая система; государственная идеология.

Во второй половине XIX – первой четверти XX в. на территории Верхнего Притомья под воздействием активной деятельности государственной власти произошла значительная интенсификация этнокультурных процессов. Их протекание существенно сказывалось на топонимической системе данного региона. Наметившийся к середине XIX в. процесс «стирания» этнических границ аборигенных народов наиболее ярко проявился в связи с началом массового переселения русскоязычного населения на восток во второй половине XIX в. Последующие события, в числе которых столыпинская аграрная реформа и начало социалистических преобразований после революции, значительно повлияли на быт и традиции как местных инородцев, так и переселенцев.

Ввиду того, что топонимика является индикатором характера этнокультурных процессов, привлечение ее данных для оценки проводимой политики, характера взаимоотношений пришлого и аборигенного населения представляется весьма информативным.

Движение русскоязычного населения на восток было вызвано рядом причин. Во-первых, после отмены в 1861 г. крепостного права крестьяне перестали быть «крепки земле» и наиболее предприимчивые, активные, мобильные из них двинулись за Урал. Во-вторых, в 1865 г. произошло открытие кабинетских земель на территории Алтайского горного округа для свободного поселения крестьян. Это стимулировало миграцию населения в Сибирь, потоки которого проходили в том числе через территорию Томского и Кузнецкого уездов.

Численность населения Томской губернии с 1858 по 1883 г. увеличилась с 673 тыс. до 1 104 тыс. чел.¹, в 1903 г. она составила 2 239 тыс. чел.²

В последней четверти XIX в. государство взяло процесс переселения под свой контроль. Государственная политика в данной области не ограничивалась лишь регламентацией (например, изданием временных правил переселения от 10 июля 1881 г. и переселенческого закона от 13 июля 1889 г.), процесс обеспечивался как материальными ресурсами, так и инфраструктурой, развитие которой влияло на масштабы и темпы переселения, на качество и безопасность переселенческого процесса.

Ежегодный прирост переселенцев в Томской губернии по пятилетиям составлял в 1899–1903 гг. – 57 тыс. чел., в 1903–1908 гг. – 141 тыс. чел., в 1908–1913 гг. – 214 тыс. чел.³

Пиком миграции русскоязычного населения являлось проведение столыпинских аграрных преобразований. Важным компонентом столыпинской реформы являлось переселение значительной части крестьян из европейской части Российской империи на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока.

По данным «Памятной книжки Томской губернии на 1910 год», население Томской губернии в 1906 г. составляло 2 553 тыс. чел. За период 1906–1913 гг. численность населения увеличилась в общей сложности на 1 628 тыс. чел., среднегодовой прирост населения составил 7,3 %.

Происходило увеличение численности населения и за счет естественного прироста. В период 1907–1913 гг. население увеличилось на 515 тыс. чел. (среднегодовой естественный прирост – 85 тыс. чел.). Общее увеличение численности населения Томской губер-

¹ Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томск, 1884. С. 6.

² Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904. С. 1.

³ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. С. 302.

нии за данный период составило 1 426 тыс. чел., тогда как 901 тыс. чел. – это прирост в основном за счет переселенцев.

Если в 1908 г. общая численность населения составляла 3 100 тыс. чел., а в 1907 г. – 2 755 тыс. при естественном приросте населения в 62 тыс., то благодаря стихийным миграционным процессам и целенаправленной политике по переселению численность населения возросла на 283 тыс. чел. (следует отметить, что за всю вторую половину XIX в. в Томскую губернию переселилось всего около 350–400 тыс. чел.). В 1909 г. численность населения за счет переселенцев увеличилась на 271 тыс. чел., в 1910 г. – на 110 тыс., в 1911 – на 76 тыс., в 1912 г. – на 88 тыс., в 1913 г. – на 83 тыс.

Переселение инициировало образование новых населенных пунктов, появились новые ойконимы. К примеру, населенный пункт Сибирский, основанный в 1912 г., был назван в честь нового региона проживания переселенцев из европейской части России; Кайдулы была основана в начале XX в. – здесь поселились эстонские крестьяне, которые назвали свою новую деревню по фамилии известной эстонской поэтессы XIX столетия Лидии Кайдула; деревня Катина была основана в 1915 г. крестьянином-переселенцем из Поволжья; деревня Покровка была основана крестьянами-переселенцами 14 октября 1914 г. в православный церковный праздник, что и послужило поводом для названия.

Миграция в Сибирь превращалась из смелой и опасной «авантюры» в обеспеченную государственными средствами организованную миграцию. Создавалась соответствующая инфраструктура, которая была способна выдержать процесс массового переселения, в том числе и стихийного. Переселение становилось более привлекательным, нежели в предшествующие периоды освоения сибирских территорий. Так, по данным «Памятной книжки Томской губернии за 1910 год», «дорог выстроено за 1906–1908 гг. – 633 версты; производится постройка в 1909 г. новых дорог на протяжении 145 верст»⁴. Строительные работы производились в основном на территории Томского и Мариинского уездов, но планировались и в Кузнецком уезде. Таким образом, в 1908 г. на территории Томского уезда числилось 13 дорог, которые были напрямую связаны с переселенческим делом и относились к переселенческому району.

К изменению топонимики Верхнего Притомья приводило и строительство железных дорог. Катализатором данного процесса стало начало строительства в 1892 г. Сибирской железной дороги, которая также оказала влияние на топонимическую систему Верхнего Притомья, так как новым элементом последней стали названия железнодорожных станций и возникших при них населенных пунктов.

Так, город Юрга был основан в 1913 г. как пристанционный поселок на Транссибе, населенный пункт Арлюк – в 1915 г. как железнодорожная станция на линии Юрга-Новокузнецк.

«Вышеуказанный чрезвычайный наплыв переселенцев вызвал всемерное расширение работ по отводу переселенческих участков...»⁵. Создание переселенческих участков – один из ключевых факторов, влиявших на качественное изменение топонимической системы данного региона. Переселенческие участки в рамках переселенческого района занимали огромные площади, количество переселенческих долей росло с каждым годом. Переселенческие участки, имевшие всю необходимую инфраструктуру, постепенно превращались в полноценные населенные пункты со своими наименованиями (ойконимами) и занимали соответствующее место в топонимической системе Притомья.

Массовое заселение территории Верхнего Притомья сопровождалось повсеместным изменением землеустройства. Этот процесс напрямую затронул инородческое сословие и его особый статус.

В конце XIX в. российской властью проводилась реформа, направленная на унификацию инородческого и крестьянского сословий (постановления «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губернии Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 23 мая 1896 г.; «Главные основания

⁴ Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. Приложения. С. 224–225.

⁵ Там же. С. 220.

поземельного устройства крестьян и инородцев» от 31 мая 1899 г.). Суть реформы сводилась к формированию единой системы управления двумя сословиями, унификации сословного статуса кочевых инородцев и крестьян, реорганизации инородческих управ и формированию на их базе крестьянских волостей, ликвидации кочевых инородческих управ, т.е. переводу оставшихся кочевых инородцев в разряд оседлых.

Если с 1822 г. переход из разряда в разряд был свободным, то в 1899 г. начался процесс принудительного перевода инородцев из разряда кочевых в оседлых. В самый разгар реформы, а именно в 1908 г., П.А. Столыпин потребовал от местных властей скорейшего перевода «кочевых инородцев в разряд оседлых»⁶ в целях унификации системы административно-территориального управления и суда. В результате данной политики в Томской губернии были ликвидированы 82 инородческие управы, из них в Томском уезде – 16 управ, а на территории Кузнецкого уезда – 10 управ оседлых инородцев и 23 кочевых. Процесс завершился к 1913 г. «После административной реформы в Кузнецком уезде в 1912–1913-х гг. все управы кузнецких татар были преобразованы в обычные административные волости с «оседлыми инородцами», что привело не к консолидации, а скорее к миграциям в пределах новых административных образований, разрушению внутривидовых и территориальных связей, потере локальной этничности и ассимиляции в окружении увеличивающегося по численности русского населения в процессе переселенческой политики российского государства»⁷.

Ликвидация кочевых инородческих управ была осуществлена не по причине неэффективности таковых, а из-за необходимости упрощения изъятия земли у населения. Данное мероприятие способствовало ликвидации целого пласта хоронимов.

После революции были запущены новые процессы качественного и количественного изменения топонимической системы Верхнего Притомья.

Социалистические преобразования затронули административно-территориальное устройство Томской губернии, которое претерпело значительные изменения. Наиболее масштабной из них была ликвидация в мае 1924 г. большинства волостей на территории Томской губернии, в частности на территории Томского уезда (например, Арлюкской, Варюхинской, Вознесенской и др.) и Кузнецкого уезда (например, Александровской, Бачатской, Баяновской и др.). Взамен образовались новые хоронимы – названия районов (в сентябре 1924 г. были образованы Кемеровский, Новокузнецкий, Беловский районы и т.д.). В 1925 г. сама Томская губерния прекратила свое существование как административно-территориальная единица, а ее территория вошла в состав Сибирского края, Томский и Кузнецкий уезды также были упразднены.

В послереволюционное время возникло множество топонимов, образованных под воздействием коммунистической идеологии. Так, в 1925 г. был основан населенный пункт Краснинск; в 1922 г. Кольчугино, основанное во второй половине XIX в. крестьянином Кольчугиным, по фамилии которого и называлось, было переименовано в Ленино; в 1920 г. село Брюханово, основанное в 1627 г. казаками Брюхановыми, было переименовано в Красное.

После 1917 г. переселение в Верхнее Притомье продолжается, хотя и затухающими темпами, образуются новые населенные пункты: в 1920-х переселенцами из Белоруссии был основан населенный пункт Белорус, переселенцами из Украины – Курейное. Русские крестьяне-переселенцы основали населенные пункты Ачкасово, Верхний Шурочак, Заречный, Лапшиновка, Лачиново, Пещерка и др.

Несмотря на унификацию крестьянского и инородческого сословия в конце XIX – начале XX в., на последующую советизацию коренных народов, увеличение количества русскоязычного населения и, соответственно, русскоязычных топонимов аборигеноязычные названия сохранялись, а их количество в некоторых местностях даже превалирует над

⁶ Шерстова Л.И. Аборигены Южной Сибири в контексте столыпинской реформы: социокультурные и этнополитические трансформации. Томск, 2007. С. 87.

⁷ Кимеев В.М. Горная Шория: история и современность. Кемерово, 2018. С. 192–193.

русскоязычными. «Хотя в настоящее время абсолютное большинство жителей ее [Кемеровской области. – А. Т.] является русскоязычным населением, географические названия русского происхождения малочисленнее тех, которые были даны коренным населением»⁸. В основном это проявляется на территориях юга Кузбасса.

В топонимике Верхнего Притомья присутствуют топонимы четырех основных языковых групп, характерных для данного региона (южносамодийскоязычная, кетоязычная, тюркоязычная и русскоязычная), носители которых взаимодействовали друг с другом на протяжении длительного периода времени.

Одним из «продуктов» их культурного взаимовлияния являются топонимы-конструкты, т.е. топонимы, в состав которых входят корни, суффиксы и другие морфемы, а также целые слова из различных языков (двух и более). При этом они представляют собой не просто два или более разноязычных слова или морфемы, а результат культурного восприятия и адаптации одной этнической группой культурного и лингвистического наследия другой.

На территории Верхнего Притомья можно выделить несколько групп топонимов-конструктов исходя из их языкового происхождения. К их числу относятся тюрко-русские топонимы-конструкты: населенный пункт Аило-Кузедеевское, Старый Шалай, Большой Улус, Ближний Кезек, Березовский Улус, Новый Улус, Дальний Кизек, Средние Кичи, Нижний Шурочак, Верхний Карагол, Верхний Тутуяс; река Белая Теба, Большая Анжерка, Малая Камчала, Малый Казыр, Малая Талда, Малый Шалым, Кайлотские горы, Караканский хребет, Нарыкские горы и т.д.

Имели место быть и подобные кето-русские топонимы-конструкты. Например, населенный пункт Верх-Тайменка, Большой Барандат, Усть-Анзас, Средний Майзас, Новый Бериккуль, Нижняя Коура, Верхний Барзас, Верхний Калтан; река Большой Кийзас, Большой Теш, Большой Улуй, Большой Калтан, Большой Кундат, Большой Унзас, Мокрый Бериккуль и т.д. Имеются также южносамодийско-русские топонимы-конструкты: горный хребет Бийская Грива, река Большой Базас, станция Юрга Первая, населенный пункт Верхний Базас, река Мазаловский Китат, населенный пункт Верх-Чумыш и т.д.

Следует отметить, что в результате высокоинтенсивного взаимодействия исключительно местного аборигенного населения также возникали топонимы-конструкты. После прихода русских продукт взаимодействия языковых традиций аборигенных народов был воспринят русскоязычным населением, а русский «компонент» становился органической частью географического названия. В результате образовывались и трехязычные топонимы-конструкты. Примерами подобного рода синтеза культурно-языковых элементов могут служить: кето-южносамодийско-русские топонимы-конструкты – населенный пункт Нижний Ольжерас, Усть-Тарсьма и т.д.; кето-тюрко-русские – река Большой Назас, озеро Большой Берчикуль; населенный пункт Большой Берчикуль, Большой Нымзас, Верх-Кийзас-Улус, Верхний Кельзес и т.д.; тюрко-южносамодийско-русские – река Большая Кендас, Малая Кендас; населенный пункт Нижняя Камжалка, Верх-Подобас и т.д.

Образование топонимов-конструктов стало возможным благодаря отсутствию у русских переселенцев ксенофобии, открытости русского этноса и слабой внутренней консолидации аборигенных общностей, а также благодаря тесным, преимущественно мирным межэтническим контактам, культурному и техническому обмену. Кроме того, такие топонимы могли возникать в результате наслоения различных культурных пластов.

Топонимы-конструкты довольно широко распространены на территории Верхнего Притомья. Они являются уже неотъемлемой частью культуры и истории данного региона и являются прямым доказательством дружественных связей русскоязычных и аборигенных народов. Так, кочевья инородцев Кузнецкого округа по рекам Томи, Мрасе и Кондоме состояли из 147 населенных пунктов⁹. Из них 8 представляли собой топонимы-конструкты, что в свою очередь составляет примерно 5,4 % от общего количества.

⁸ Шабалин В.М. Тайны имен земли Кузнецкой: краткий топонимический словарь Кемеровской области. Новосибирск, 1994. С. 3.

⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск, 1871. С. 242.

В состав названий некоторых почтовых станций Томской губернии, помимо русского элемента, входил инородческий. Из названий 88 станций (данные за 1871 г.) 10 представляли собой топонимы-конструкты, причем 6 из них располагались на пути от Томска до Нарыма и составляли примерно 11,36 % от общего числа. Следует отметить, что количественное соотношение односложных топонимов оставалось в пользу аборигенных (52 к 36 русскоязычным).

По данным «Памятной книжки Томской губернии за 1904 год», на территории Томского уезда зафиксировано 912 ойконимов и 245 гидронимов. Из них соответственно 25 и 22 являлись топонимами-конструктами, что в свою очередь составляет 2,7 % и 8,9 % от числа ойконимов и гидронимов. Таким образом, из 1 158 топонимов 47, т.е. 4,1 % от общего числа, представлены топонимами-конструктами.

На территории Кузнецкого уезда зафиксировано 559 ойконимов и 170 гидронимов. Из них соответственно 48 и 14 являлись топонимами-конструктами, что в свою очередь составляет 8,6 % и 8,3 % от числа ойконимов и гидронимов. Из 729 топонимов 62, т.е. 8,5 % от общего числа, представляют собой топонимы-конструкты.

Следовательно, количество топонимов-конструктов составляло примерно 5,8 % от общего количества топонимов Томского и Кузнецкого уездов (1 887 топонимов), зафиксированных в «Памятной книжке».

Образование столь сложной топонимической системы и такого большого количества топонимов-конструктов стало возможно благодаря высокоинтенсивным взаимодействиям местного аборигенного и вновь пришедшего русского населения на данной территории, их взаимной ассимиляции и аккультурации.

Следует отметить, что изменение демографической ситуации в Верхнем Притомье во второй половине XIX – первой четверти XX в., а именно – увеличение численности населения за счет стихийных и контролируемых государством миграций, естественного прироста, увеличения плотности населения; активное развитие инфраструктуры, в том числе строительство железных дорог, медицинских пунктов, свидетельствуют об интенсификации этнокультурных процессов. Увеличение общей массы русскоязычного населения, практически повсеместное землеустройство, организация переселенческих участков вызывали активизацию межэтнических контактов.

Анализ данных топонимики показал, что продуктом подобного взаимодействия различных этнических групп стало появление мультикультурных топонимов – топонимов-конструктов. Топонимическая система в целом была подвергнута существенным изменениям. Об этом свидетельствовало появление достаточно большого числа новых населенных пунктов, в том числе основанных переселенцами, преобразование переселенческих участков в населенные пункты. Некоторые названия географических объектов исчезали, заменялись новыми, ряд топонимов изменил свой статус, появились топонимы, образованные в том числе в результате прямого государственного вмешательства.

Государственно-идеологические воздействия на топонимику и этнокультурные процессы, порожденные масштабными государственными инициативами и местными управленческими решениями, сыграли определяющую роль в трансформации существовавшей на территории Верхнего Притомья топонимической системы, так как стали своего рода катализатором для этнокультурных процессов. После революции происходила смена качественных этапов развития и функционирования топонимической системы: от косвенного воздействия на топонимику в имперский период до непосредственного руководства процессом формирования топонимов в ранний советский. Государственная идеология постепенно стала одним из основных инструментов, изменявших топонимическую систему.

Литература

Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки: монография. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томский статистический комитет. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1871. 286 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томский статистический комитет. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1884. 166 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томский статистический комитет. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1885. 446 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томский статистический комитет. Томск: Товарищество С.П. Яковлева, 1904. 663 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск: Типография Губернского Управления, 1908. 256 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1910. 317 с.

Памятная книжка Томской губернии 1911 года. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1911. 240 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1912. 415 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1913. 298 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1914. 242 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томский Губернский Статистический Комитет. Томск: Типография Губернского Управления, 1915. 278 с.

Шабалин В.М. Тайны имен земли Кузнецкой: краткий топонимический словарь Кемеровской области. Новосибирск: Наука, 1994. 225 с.

Шерстова Л.И. Аборигены Южной Сибири в контексте столыпинской реформы: социокультурные и этнополитические трансформации // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX века: мат-лы Всерос. науч. конф. (19–21 октября 2005 г.). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2007. С. 85–91.

References

Kimeev, V.M., Kopitov, A.I. (2018). *Gornaya Shoriya: istoriya i sovremennost'*. *Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Gornaya Shoriya: History and Modernity. Historical and Ethnographic Essays]. Kemerovo, Primula. 600 p.

(1871). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1871 god. Tomskiy statisticheskiy komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1871. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipo-litografiya Mikhailylova i Makushina. 286 p.

(1884). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1884 god. Tomskiy statisticheskiy komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1884. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipo-litografiya Mikhailylova i Makushina. 166 p.

(1885). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1885 god. Tomskiy statisticheskiy komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1885. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipo-litografiya Mikhailylova i Makushina. 446 p.

(1904). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1904 god. Tomskiy statisticheskiy komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1904. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipo-litografiya Mikhailylova i Makushina. 663 p.

(1908). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1908 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1908. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 256 p.

(1910). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1910 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1910. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 317 p.

(1911). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1911 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1911. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 240 p.

(1912). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1912 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1912. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 415 p.

(1913). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1913 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1912. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 298 p.

(1914). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1914 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1914. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 242 p.

(1915). *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1915 god. Tomskiy Gubernskiy statisticheskiy Komitet* [A Commemorative Book of the Tomsk Province for 1915. Tomsk Statistical Committee]. Tomsk, Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. 278 p.

Shabalin, V.M. (1994). *Taiyny imen zemli Kuznetskoy: kratkiy toponimicheskiy slovar' Kemerovskoy oblasti* [Secrets of the Names of the Kuznetsk Land: a Short Toponymic Dictionary of the Kemerovo Region]. Kemerovo, Kemerovskiy oblastnoy IUU. 225 p.

Sherstova, L.I. (2008). Aborigeny Yuzhnoiy Sibiri v kontekste stolypinskoy reformy: sotsiokulturnye i etnopoliticheskie transformatsii [Aborigines of Southern Siberia in the Context of the Stolypin Reform: Sotiocultural and Ethnopolitical Transformations]. In *Sibirskoe obschestvo v period sotsial'nykh transformatsiy XX veka: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta, pp. 85–91.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021 г.